

18+

БОГЕМА
ТЕАТРЫ
КАБАРЕ
СТИХИ
ТАЙНЫ
НЭП

КАБАРЕ
«БРОДЯЧАЯ
СОБАКА»
ВЕЧЕР
ПОЭЗИИ
НОВЫЕ
ИМЕНА

МОСКВА

ЛЁД и ПЛАМЯ

АННА ВЕРСКАЯ

— КНИГА 1 —

УБИЙСТВО
ПОД СОНЕТ

— КНИГА 2 —

БРИЛЛИАНТОВЫЙ
ФАЛЬШ-ФЕЙЕРВЕРК

ИЗВЕСТИЯ

СТИХИ

Анна Верская

**Лед и пламя. Убийство
под сонет. Бриллиантовый
фальш-фейерверк**

«Издательские решения»

Верская А.

Лед и пламя. Убийство под сонет. Бриллиантовый фальш-фейерверк / А. Верская — «Издательские решения»,

«Смерть под сонет». В богемном салоне убит поэт. Следователь Анна Петрова и хозяйка салона Лилия Ордынцева — лёд и пламя — вынуждены искать убийцу вместе. Шесть гостей, шесть мотивов, и убийца — кто-то из своих. «Бриллиантовый фальш-фейерверк». Два убийства за одну ночь: ювелир и актриса. Анна и Лилия выходят на след аферы с военными бриллиантами — и убийца снова ближе, чем кажется.

© Верская А.

© Издательские решения

Содержание

Смерть под Сонет	6
Глава первая	7
Глава вторая	13
— — — — Глава третья	24
— — Глава четвёртая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лед и пламя Убийство под сонет. Бриллиантовый фальш-фейерверк

Анна Верская

Обложка Chat GPT

© Анна Верская, 2026

ISBN 978-5-0071-2828-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Смерть под Сонет

Глава первая

Телефонный звонок расколол тишину коммунальной квартиры, как удар колокола — резко, требовательно, без всякой пощады к спящим. Аппарат висел в общем коридоре, на стене возле двери Анны Петровой, и звонил с той особенной настырностью, какая бывает только у казённых телефонов в неурочный час.

Анна открыла глаза раньше, чем сообразила, что проснулась. За пять лет службы в Московском уголовном розыске она привыкла спать вполглаза, как солдат на передовой. Тело среагировало само: ноги спустились с кровати, рука нащупала гимнастёрку на спинке стула. В комнате было холодно — топили в коммуналке скверно, сэкономили дрова, и к утру мартовский холод пробирался сквозь щели в разошедшихся рамах.

— Петрова! — рывкнула она в трубку, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем она себя чувствовала.

Дежурный по МУРу, Лёвушкин, говорил быстро и без лишних церемоний. Убийство. Большая Никитская, дом двенадцать, квартира семь. Хозяйка — некая Ордынцева Лилия Сергеевна. Убитый — поэт, фамилию Лёвушкин произнёс невнятно, но Анна записала на слух в блокнот, который всегда лежал на тумбочке у телефона. Карандаш был тупой, грифель крошился, но написать «Златогоров» она сумела.

— Выезжаю. Группу поднимай.

Она повесила трубку и на минуту прислонилась лбом к холодной стене. Спать оставалось часа три, не больше. Легла она в половине первого, разбирая бумаги по делу о краже со складов Моссельпрома — мука, сахар, постное масло, целая сеть перекупщиков. Но убийство есть убийство. Тут уж не поспишь.

Вернувшись в комнату, она быстро, привычными движениями натянула гимнастёрку, застегнула ремень, проверила наган в кобуре. Оружие она всегда держала на стуле, рядом с кроватью, — привычка, усвоенная ещё в Гражданскую. Тогда, в девятнадцатом, она служила в Особом отделе, и ночные тревоги были не редкостью. С тех пор прошло почти восемь лет, а привычки остались те же.

В коридоре, куда она вышла, чтобы умыться, уже горела тусклая лампочка под потолком — кто-то из соседей, разбуженный звонком, включил свет. Анна мысленно поблагодарила этого неизвестного благодетеля и прошла на кухню, где стоял общий рукомойник.

Кухня в их коммуналке была большая, метров двадцать, с тремя керосинками, двумя столами и бесконечной вереницей кастрюль и сковородок, развешанных по стенам. Днём здесь кипела жизнь, ссорились и мирились, делили конфорки и обсуждали последние новости. Сейчас, в четвёртом часу утра, кухня спала. Пахло жареным луком — видимо, кто-то готовил ужин поздно вечером, — и карболкой, которой драили полы.

Анна нажала на рычаг рукомойника. Вода полилась тонкой струйкой, ледяная, забирающая остатки сна. Она плеснула в лицо раз, другой, третий, растёрла щёки ладонями, пригладив волосы. Светлые, стриженные коротко, они не требовали особого ухода — ещё одна при-

вычка, оставшаяся с военных лет. В зеркальце, висевшее над рукомойником, она увидела своё лицо: серые глаза, острые скулы, упрямый подбородок. Двадцать восемь лет, а выглядит на тридцать пять. Работа такая.

Из своей двери, шаркая стоптанными туфлями, появилась Марья Игнатьевна. Старуха была в ночной рубаше и пуховом платке, накинутом на плечи. Она всегда просыпалась, когда звонил телефон, — то ли от старческой бессонницы, то ли от неуёмного любопытства.

— Опять кого убили, товарищ Петрова? — спросила она, зевая и крестясь одновременно, отчего жест получился смазанным и неловким. — Хоть бы раз к свадьбе позвали, честное слово.

— Свадьбы, Марья Игнатьевна, в ЗАГСе регистрируют, — ответила Анна, вытирая лицо суровым полотенцем, пахнувшим хозяйственным мылом. — А я — в МУР. У меня специализация другая.

— Специализация... — проворчала старуха. — Тьфу, слово-то какое. При царе такого и не слышали. Убивцев ловить — это, по-нашему, сыск. А ты — «специализация». Ну да ладно. Ты хоть ела чего?

— Некогда. Потом.

— Потом у тебя всегда потом. С лица спала, одни глаза остались. Погоди.

Марья Игнатьевна скрылась в своей комнате и через минуту вышла с газетным свёртком. В свёртке оказался кусок чёрного хлеба и варёное яйцо — неслыханная по нынешним временам роскошь.

— Вчера на рынке выменяла на отрезы, — пояснила она. — Бери, бери. Не то свалишься по дороге, а мне потом перед Богом отвечать.

Анна взяла свёрток, сунула в карман шинели. Марья Игнатьевна была из бывших купчих — когда-то держала мануфактурную лавку на Маросейке, а теперь ютилась в десятиметровой комнате и перебивалась случайными заработками, перешивая старьё. К Анне она относилась с неожиданной теплотой, хотя по классовой логике должна была бы ненавидеть.

— Спасибо, Марья Игнатьевна. Вернусь — отдам.

— Отдаст она... — фыркнула старуха. — Ступай уже. И пулю, гляди, зря не лови. А то хоронить тебя будет не на что — ты ж партийная, без отпевания положат.

Анна усмехнулась, накинула шинель и вышла на лестницу.

Подъезд их дома на Пресне был тёмный, с выщербленными ступенями и вечным запахом кошек. Лампочку на площадке выкрутили ещё в прошлом месяце — то ли мальчишки, то ли кто-то из жильцов, экономивший электричество на общие нужды. Анна спускалась ощупью, держась за перила, и думала о том, что хорошо бы наконец добиться перевода в ведомственный дом. Там и комнаты побольше, и отопление центральное. Но для этого нужно было получить повышение, а с повышением в МУРе было туго: начальство ценило её за раскрываемость, но

женщин на руководящие должности двигало неохотно. Время такое — вроде и равенство, а вроде и нет.

На улице её ждал служебный «форд» — трофейный, выдавший виды автомобиль с брезентовым верхом, полученный МУРом ещё в двадцать первом году от какой-то конфискованной нэпманской фирмы. За рулём, зевая во весь рот, сидел Вася Коростылёв, молодой шофёр в кожаной куртке и кепке, надвинутой на самые брови.

— Доброй ночи, товарищ Петрова, — пробормотал он, когда Анна забралась на переднее сиденье. — Опять не спится?

— Как видишь. На Большую Никитскую давай. Дом двенадцать.

— Знаю такой. Там до революции адвокаты жили, а теперь — кто попало. У меня там тётка в дворниках служила, рассказывала. Квартиры огромные, потолки по четыре аршина. Буржуйам строили, а теперь коммуналки делают. А кого убили-то?

— Поэта.

— Поэта? — Вася присвистнул. — Ну, это не страшно. Поэтов, говорят, и при царе били. Им даже полезно — для вдохновения.

— Помолчи, Вася. Ты за дорогой следи.

Машина, чихая и подпрыгивая на ухабах, покатила по тёмным московским улицам. Март в этом году выдался холодный, снег лежал до сих пор, хотя днём уже подтаивал. Ночью же подмораживало, и лужи покрывались тонким, хрустящим ледком. Фонари горели редко — электричество экономили, и Москва тонула в чернильной темноте, в которой лишь кое-где светились окна.

Анна откинулась на сиденье и, пользуясь короткой передышкой, развернула газетный свёрток. Хлеб был чёрствый, но настоящий, ржаной, с хрустящей корочкой. Яйцо — сваренное вкрутую, с голубоватым желтком. Она съела половину, а половину убрала обратно — неизвестно, сколько продлится осмотр, а есть захочется. За пять лет работы она привыкла, что о еде нужно думать заранее: неизвестно, когда выдастся следующая возможность.

На Большой Никитской было тихо и пустынно. Дома здесь стояли солидные, с лепниной и балконами, — бывшие доходные дома, в которых до революции селились адвокаты, врачи, преуспевающие литераторы. Теперь в них устраивали коммуналки или оставляли за «бывшими» — теми, кто сумел каким-то чудом сохранить жилплощадь. Дом двенадцать выглядел особенно внушительно: пятиэтажный, с эркерами и парадным входом, украшенным гипсовыми амурами. Амуры, впрочем, пооблупились, и у одного не хватало головы.

У подъезда уже стояла вторая машина МУРа — открытый «паккард» с откидными сиденьями. Значит, группа уже на месте. Анна кивнула Васе, вылезла из «форда» и вошла в парадное.

Внутри дом производил странное впечатление — смесь былой роскоши и нынешнего запустения. Широкая мраморная лестница с коваными перилами вела наверх. Стены были

облицованы дубовыми панелями, но кое-где панели пошли трещинами, и их заклеили старыми газетами. Пахло сыростью, табаком и ещё чем-то неуловимым — духами, что ли? Дорогими, старыми, выдохшимися. Так пахнут вещи, которые помнят лучшие времена.

На третьем этаже, у двери квартиры семь, уже толпился народ. Анна заметила своего напарника, Гришу Соловьёва, молодого оперативника в кожаной куртке, и двух сотрудников из научно-технического отдела с чемоданчиками для улик. Гриша, увидев её, шагнул навстречу.

— Анна Семёновна, здравия желаю. Труп в гостиной. Мужчина, лет двадцать пять — тридцать, личность установлена: Златогоров Виктор Платонович, поэт. Удар стилетом в грудь. Орудие изъято. Подозреваемые — все, кто был на вечере. Шесть человек. Хозяйка — Ордынцева Лилия Сергеевна, проживает здесь. Остальные — гости.

— Вечер? — переспросила Анна. — У них тут вечер был?

— Так точно. Поэтический. Стихи читали. Вино пили. Сыр ели, — Гриша чуть заметно скривился. — Контрабандное вино, между прочим.

— Это потом. Сначала осмотр.

Она шагнула в квартиру.

Первое, что бросилось в глаза, — запах. Здесь пахло воском, табачным дымом, духами и ещё чем-то сладковатым — кажется, пролитым ликёром. Квартира была огромная — таких Анна не видела с тех пор, как в двадцать первом участвовала в обыске у одного нэпмана на Арбате. Высокие потолки, лепнина, паркет, натёртый до блеска. В прихожей стояло зеркало в бронзовой раме и вешалка с крючками, на которой висело несколько пальто — мужских и женских. Анна машинально отметила: пальто дорогие, с меховыми воротниками. Публика собралась непростая.

Гостиная, где произошло убийство, была центром этой странной, застывшей между прошлым и настоящим жизни. Большая комната, метров сорок, с тремя окнами, задёрнутыми тяжёлыми портьерами. У стен — книжные шкафы, забитые томами с золотым тиснением. Рояль в углу, на нём — раскрытые ноты. Круглый стол, покрытый скатертью с кистями, на столе — блюдо с остатками сыра, виноград на тарелке (виноград! в марте! откуда?), несколько бокалов с недопитым вином. Бронзовые канделябры с оплывшими свечами. И камин — большой, облицованный зелёным мрамором, с чугунной решёткой, в которой ещё теплились угли.

Перед камином, на полу, лежал он.

Виктор Златогоров был красив — той особенной, надменной красотой, которая не вызывает симпатии, но притягивает взгляд. Тёмные волосы, зачёсанные назад, правильные черты лица, длинные ресницы. Одет с иголочки: белая сорочка, тёмно-синий костюм, лакированные туфли. Сорочка на груди пропиталась кровью — тёмным, почти чёрным пятном. Стиллет торчал из раны, но Анна знала: эксперты уже зафиксировали его положение и скоро извлекут. Орудие было явно дорогое — серебряная рукоять с гравировкой, костяные вставки. Оружие не для дела, а для красоты. Сувенир. Или подарок.

Рядом с телом, на ковре, лежал обрывок бумаги. Анна присела, чтобы рассмотреть его, не трогая руками. Листок был вырван из тетради. На нём — несколько строк машинописного текста: «Я ненавижу твои глаза, Виктор...» Буква «а» в слове «глаза» была с дефектом — хвостик загнут влево. Характерный след старой печатной машинки. Анна мысленно взяла это на заметку.

Она выпрямилась и обвела взглядом присутствующих.

Гости жались по углам гостиной, как овцы в загоне. Их было шестеро — Гриша уже переписал фамилии. Пожилой мужчина с седой бородкой клинышком, в старомодном сюртуке. Полная блондинка с заплаканным лицом, в шёлковом платье явно не по погоде. Молодой человек в косоворотке, с перепачканными краской пальцами — художник, догадалась Анна. Неприметная женщина в сером платке, сидевшая в углу и сжимавшая в руках ридикюль. Ещё одна дама — постарше, высокая, сухощавая, с гордой осанкой, которую не могла скрыть даже бледность. И, наконец, хозяйка.

Лилия Ордынцева стояла у камина, чуть в стороне от остальных. Высокая, стройная, с тяжёлым узлом тёмных волос на затылке. Одета в длинное синее платье с заниженной талией — по моде середины двадцатых. На плечах — шёлковый палантин, расшитый серебряной нитью. Лицо бледное, но спокойное, почти бесстрастное. Только пальцы, сжимавшие край палантина, выдавали напряжение.

Анна подошла к ней.

— Вы — хозяйка?

— Да. Лилия Сергеевна Ордынцева. Я вызвала милицию.

— Рассказывайте. Что здесь произошло?

Лилия чуть заметно вздохнула — не вздох даже, а короткая задержка дыхания, как перед прыжком в холодную воду.

— У меня был литературный вечер. Раз в месяц я собираю у себя поэтов, художников, музыкантов. Читаем стихи, спорим об искусстве. Сегодня читал Виктор — свои новые стихи. Они были... вызывающие. Многие обиделись. Я предложила тост, чтобы разрядить обстановку. И в этот момент погас свет.

— Сами пробки выбило или кто-то постарался?

— Не знаю. У нас в доме старая проводка, пробки иногда выбивает. Но сегодня... сегодня мне показалось, что это не случайно.

— Почему?

— Потому что кто-то был в коридоре. Я слышала шаги, — Лилия опустила глаза. — Но я не придавала значения. Мало ли — кто-то вышел покурить или поправить макияж. А потом свет погас.

— Что было дальше?

— Темнота. Кто-то вскрикнул. Звон разбитого бокала. Какая-то возня. Я пыталась найти спички — они лежали на каминной полке, — но не сразу нащупала. Когда зажгли свет, он уже лежал.

— Кто зажёл?

— Кажется, Ипполит Аркадьевич. Берг. Он был в коридоре — пошёл проверять пробки.

Анна кивнула и записала в блокнот: «Берг — коридор — пробки». Потом подняла глаза на Лилию.

— Стилет ваш?

— Мой. Подарок мужа. Он лежал на каминной полке — для красоты. Любой мог его взять.

— Граждане, — сказала она громко, и все вздрогнули. — Прошу всех оставаться на своих местах. Я буду говорить с каждым. По очереди. И учтите: я не верю в случайности, богемные нервы и прочие декадентские штучки. Для меня вы все — подозреваемые. И я выясню, кто из вас убил этого человека.

В комнате стало тихо. Только свечи потрескивали, да где-то в глубине квартиры тикали часы — размеренно, спокойно, словно ничего не случилось.

Анна повернулась к Грише.

— Начинаем осмотр. Фиксируйте всё. Каждую мелочь. Я — в соседнюю комнату, с хозяйкой. Через десять минут начну допросы.

Она ещё раз взглянула на труп, на застывшую ухмылку мёртвого поэта, и подумала: «Красивый был, гад. И опасный. Такие сами нарываються».

Впереди была долгая ночь. И, судя по всему, непростое дело.

Глава вторая

Анна Петрова обвела взглядом гостиную, где застыли в неестественных позах шестеро свидетелей — шестеро подозреваемых, поправила она себя мысленно. За окнами Большой Никитской ещё стояла глубокая мартовская ночь, но небо уже начало сереть — тот самый предрассветный час, когда даже самые стойкие чувствуют, как слипаются веки. Анна не чувствовала. За пять лет в угрозыске она научилась отключать усталость, как отключают свет в коридоре, — поворотом внутреннего рычажка.

— Гриша, — сказала она напарнику, — осмотр продолжайте. Фотограф пусть снимет тело со всех ракурсов, особенно рану крупным планом. Стиллет пока не трогать — я хочу, чтобы врач его осмотрел на месте. И проверьте паркет вокруг камина на предмет следов. Там ковёр персидский, но край загнут, видишь? Кто-то споткнулся в темноте.

Гриша кивнул и принялся распоряжаться. Анна прошла в соседнюю комнату — хозяйский будуар. Комната была небольшая, но обставленная с тем же тщанием, что и гостиная: туалетный столик с зеркалом в овальной раме, кушетка, обитая выцветшим штофом, книжный шкафчик, на полках которого теснились томики в кожаных переплётках и фарфоровые статуэтки. Пахло пудрой, сухими цветами и ещё чем-то — ландышем? да, ландышевыми духами, — запахом, который ассоциировался у Анны с дореволюционными барышнями.

Она сняла трубку с телефонного аппарата, стоявшего на тумбочке, и набрала номер дежурного по МУРу.

— Лёвушкин, Петрова. Слушай внимательно: нужен судебный врач, фотограф уже на месте, пусть поднимают из архива всё, что есть на некоего Златогорова Виктора Платоновича. Поэт. Двадцать шесть лет. Да, и проверь, не проходил ли он по другим делам — кражи, мошенничество, что угодно. Чутьё подсказывает: он не только стихи писал. Да, жду.

Она положила трубку, достала из кармана шинели папиросу, закурила. Дым поплыл к потолку, закручиваясь сизыми кольцами. Анна смотрела на него и думала.

Итак, что мы имеем? Убит поэт. Молодой, красивый, наглый. Убит в чужом доме, чужим оружием, в присутствии шести свидетелей. Способ — удар стилетом в грудь. Удар точный, профессиональный или почти профессиональный: лезвие вошло между рёбер. В темноте так не ударишь случайно. Значит, либо убийца знал анатомию, либо ему повезло. Анна в везение не верила.

Стиллет. Серебро, костяные вставки. Вещица дорогая, явно не советского производства. Подарок мужа, сказала хозяйка. Но кто, кроме хозяйки, знал, что стилет лежит на каминной полке? Кто вообще бывает в этой квартире? Кто из гостей свой, а кто — случайный?

Пробки. Кто-то вывернул пробки в коридоре. Случайно или намеренно? Берг сказал, что вышел искать свечу. Но зачем ему свеча, если в гостиной горели канделябры? Нестыковка.

Обрывок бумаги. «Я ненавижу твои глаза, Виктор...» Машинописный текст. Буква «а» с дефектом. Надо будет найти машинку, на которой это напечатано. И выяснить, кто печатал.

Анна затушила папиросу в пепельнице — фарфоровой, с золочёным ободком, — и вернулась в гостиную. Гриша закончил с осмотром, фотограф складывал аппаратуру. Судебный врач уже прибыл и склонился над телом.

— Товарищ Петрова, — Гриша протянул ей листок с фамилиями, — полный список. Шесть человек, не считая покойного. Я расспросил каждого предварительно. Данные записал.

Анна пробежала глазами список:

1. Берг Ипполит Аркадьевич, 57 лет, поэт.
2. Ланская Маргарита Викторовна, 34 года, жена нэпмана.
3. Студенецкий Глеб Андреевич, 29 лет, художник.
4. Суркова Клавдия Тихоновна, 30 лет, стенографистка.
5. Берендеева Раиса Павловна, 49 лет, поэтесса.
6. Ордынцева Лилия Сергеевна, 32 года, хозяйка квартиры.

— Начнём по порядку, — решила Анна. — Первым — Берг. Он был в коридоре, когда погас свет. И он же, если верить хозяйке, зажёл свет. Значит, у него было больше всех возможностей. Давай его сюда, в будуар. Я там допрашивать буду.

Допрос первый: Ипполит Берг

Ипполит Аркадьевич Берг вошёл в будуар, озираясь по сторонам с тем особенным выражением лица, какое бывает у людей, привыкших к салонам и внезапно оказавшихся в полицейском участке. Он был в старомодном сюртуке, пошитом явно до войны, с бархатным воротником, уже потёртым на сгибах. В петлице — засохшая хризантема. Седые волосы зачёсаны назад, но одна прядь выбилась и свисала вдоль щеки. От него пахло табаком, старыми книгами и ещё чем-то кисловатым — Анна не сразу поняла, чем, но взяла на заметку.

— Присаживайтесь, Ипполит Аркадьевич, — сказала она, указывая на кушетку.

Берг сел, сцепил пальцы на коленях. Пальцы дрожали, но, может быть, от холода — в квартире было не жарко.

— Расскажите, что вы делали в момент, когда погас свет.

— Я... я вышел в коридор, — начал Берг. — Мне нужно было покурить. Хозяйка не разрешает курить в гостиной — у неё мигрень от дыма. Я вышел на площадку, закурил. А потом свет погас.

— Вы сами его погасили?

— Нет! Что вы, голубушка! Я просто стоял и курил. Когда свет погас, я сначала подумал — пробки. У них в доме старая проводка. Я пошёл к щитку, он в конце коридора. Но там темно, я не сразу нашёл. Пока возился, услышал крик из гостиной. Тогда я бросил пробки и вернулся. Кто-то уже зажёл спичку. Свет зажгли позже — кажется, дворник пришёл с фонарём.

— Дворник? — Анна насторожилась. — Здесь был дворник?

— Да, какой-то мужчина в фартуке. Он пришёл на шум. Кажется, он и починил пробки.

Этого Анна не знала. Надо будет найти дворника.

— Скажите, Ипполит Аркадьевич, — она перевела разговор в другое русло, — какие у вас были отношения с убитым?

Берг поморщился, как от зубной боли.

— Сложные. Виктор был талантлив, но... как бы это сказать... он не уважал старших. Он считал, что поэзия началась с него, а всё, что было до, — музейный хлам. Мои стихи он называл «кладбищенскими виршами». На прошлом вечере, у Лилии, он прочитал пародию на мою «Серебряную луну» — знаете, это моё программное стихотворение. Пародия была злая, очень злая. Все смеялись. Я чувствовал себя оплётанным.

— Значит, вы его ненавидели?

— Ненавидел? — Берг задумался. — Нет. Ненависть — слишком сильное чувство. Скорее, я его презирал. Он был мальчишкой, который нашёл чужой кошелек и вообразил себя богачом. Его «Пульс хаоса» — я внимательно прочитал — это компиляция. Там есть мои строки, изменённые, переставленные, но мои. И не только мои.

— Чьи ещё?

— Не знаю точно. Но я слышал, что он пользовался чужой тетрадью. Какой-то старой рукописью, которую ему дали почитать. Он переписал лучшее, а рукопись не вернул.

Анна записала в блокнот: «Златогоров — плагиат — рукопись». Это был уже второй источник, подтверждавший слухи о краже.

— Где вы были в тот момент, когда наносили удар?

— В коридоре! — воскликнул Берг. — Клянусь! Я даже не входил в гостиную, пока не услышал крик.

— Кто-нибудь может это подтвердить?

Берг замялся.

— Боюсь, что нет. Я был один. Но, послушайте, зачем мне его убивать? Я старый человек. У меня большое сердце. Я даже не смог бы ударить ножом — у меня руки дрожат, посмотрите!

Он протянул руки — и правда, пальцы подрагивали. Но Анна знала: дрожь может быть и от страха, и от старости, и от чего угодно.

— У вас на сютуке странный запах, — заметила она вдруг. — Не табак. Что-то кислое. Вы не проливали ничего?

Берг покраснел.

— Это... это химикаты. Я чистил серебро. Перед вечером. Я иногда подрабатываю чисткой столового серебра — знаете, у некоторых нэпманов ещё осталось фамильное серебро. А запах остался на рукавах. Я не успел переодеться.

Анна сделала пометку. Чистка серебра — в принципе, невинное занятие. Но почему бы не проверить?

— Пока вы свободны, — сказала она. — Но из города не уезжать. Возможно, вызову вас в МУР для дополнительного допроса.

Берг кивнул и вышел, шаркая ногами. Анна посмотрела ему вслед. Старый поэт, обиженный и униженный. Мотив есть. Возможность — он был в коридоре один. Но способен ли он ударить ножом в темноте? Вопрос.

— —

Допрос второй: Маргарита Ланская

Маргарита Викторовна Ланская всплыла в будуар, как всплывают в театральную ложу — с сознанием собственной значимости. Полная блондинка с ухоженным лицом и капризным ртом. Одета в шёлковое платье цвета бордо, с глубоким декольте, совершенно не подходящее для мартовской погоды. На пальцах — кольца с камнями (настоящие? надо проверить), на запястьях — браслеты. Пахло от неё сладкими духами — слишком сладкими, приторными. Анна невольно поморщилась.

— Маргарита Викторовна, присядьте.

— Я уже всё сказала вашему помощнику! — с порога заявила Ланская. — Я ничего не видела. Свет погас, я закричала — от неожиданности. Кто-то пробежал мимо меня. Я прижалась к стене. Больше ничего не помню.

— Сядьте, — повторила Анна спокойно, но в голосе её звякнул металл.

Маргарита села, поджав губы.

— Вы были близки с убитым?

— Я... — она запнулась. — Мы были друзьями.

— Друзьями? — Анна подняла бровь. — А по нашим сведениям, вы были любовниками.

— Кто вам сказал?! — вспыхнула Маргарита. — Это Ордынцева? Вечно она суёт нос не в своё дело!

— Не важно, кто сказал. Это правда?

Маргарита сдулась, как проколотый воздушный шар.

— Да, у нас был роман. Недолгий. Он был красив, талантлив, он говорил мне такие слова... Я потеряла голову. Муж ничего не знал. А потом Виктор меня бросил. Ради какой-то актриски из театра Мейерхольда.

— И вы обиделись.

— Обиделась? — Маргарита горько усмехнулась. — Я была в ярости. Я грозила ему, да. Грозила, что расскажу мужу, что он украл у меня запонки — бриллиантовые запонки моего мужа, которые я дала ему поносить на один вечер. А он не вернул. Сказал, что потерял. Но я знаю — он их не потерял. Он их кому-то отдал. Какой-то девке.

— Запонки — это серьёзно, — заметила Анна. — Бриллианты. Если муж узнает — скандал.

— Муж не просто устроит скандал, — прошептала Маргарита. — Он меня выгонит. И я останусь ни с чем. Понимаете? Я завишу от него полностью. У меня нет ничего своего. Даже это платье куплено на его деньги. Я не могла рисковать.

— Настолько не могли, что решились на убийство?

— Нет! — Маргарита вскинула голову. — Я не убивала. Клянусь. Я хотела, чтобы он вернул запонки, — да. Я даже угрожала ему. Но убить? Нет, я не способна. Я боюсь крови.

— Где вы были в момент удара?

— В гостиной. У стола. Я стояла, пила вино. Когда свет погас, я закричала и прижалась к стене. Кто-то толкнул меня — кажется, Глеб, художник. Он пробежал мимо. А потом я услышала шум — там, у камина. Но я ничего не видела, было темно.

— Вы не заметили, кто выходил из комнаты до того, как погас свет?

Маргарита задумалась.

— Берг вышел. Я видела — он пошёл в коридор с папиросой. И ещё... Ордынцева. Она выходила на кухню за вином. Но это было раньше, за полчаса до всего.

Анна записала. Лилия выходила. Когда именно? Это нужно уточнить.

— Пока свободны. Если понадобится — вызову.

Маргарита встала, поправила платье и вышла, стуча каблучками. Анна посмотрела ей вслед. Мотив есть, но труслива. Хотя, с другой стороны, загнанная в угол женщина способна на всё.

— —

Допрос третий: Глеб Студенецкий

Глеб Студенецкий вошёл, не спрашивая разрешения, и сел на кушетку, широко расставив ноги. Молодой, лет тридцати, в косоворотке и пиджаке, перепачканном краской. От него пахло скипидаром и табаком. Руки большие, с вьёвшейся под ногти краской — синей, зелёной, красной. Анна обратила внимание на красную — свежую, ещё не отмытую.

— Глеб Андреевич, — начала она, — вы были знакомы с убитым?

— Был, — коротко ответил художник. — И не жалею, что его убили. Собаке собачья смерть.

— Почему так резко?

— Потому что он был подлец. — Студенецкий говорил отрывисто, словно рубил слова топором. — Он разбил мою скульптуру. Я работал над ней два месяца — для выставки «Новое искусство» в Политехническом. Это была голова Маяковского — в кубистической манере. Златогоров пришёл ко мне в мастерскую пьяный, стал насмехаться, сказал, что это «беспомощный кубизм». Я его толкнул — он упал на скульптуру и разбил её. Вдребезги. А потом заявил, что я сам виноват — нечего было ставить её посреди мастерской.

— И вы его за это убили?

— Если бы я убивал всех, кто мне мешает, Москва бы обезлюдела, — усмехнулся Студенецкий. — Я хотел его избить, да. Даже собирался. Но не сегодня. Сегодня я просто пил. Пил всё время, пока он читал свои дурацкие стихи. А когда погас свет, я встал и пошёл к двери — хотел выйти на воздух, голова кружилась.

— Вы кого-нибудь задели в темноте?

— Кажется, Маргариту. Она стояла у стены. Я её толкнул, извинился. Но из комнаты не вышел — дверь была закрыта.

— Заперта? — Анна насторожилась. — Дверь в гостиную была закрыта?

— Ну, не закрыта, а притворена. Кто-то её придерживал с той стороны. Я дёрнул — не открывается. Плюнул и вернулся на место. А потом уже крик.

Вот это важно. Кто-то держал дверь снаружи. Значит, убийца или сообщник был в коридоре. Берг? Берендеева? Кто-то ещё? Анна записала в блокнот жирным шрифтом: «ДВЕРЬ — КТО ДЕРЖАЛ???»

— У вас на рукаве красная краска, — заметила она.

Студенецкий глянул на рукав.

— Это не краска. Это сурик. Я грунтовал холст. Красный цвет — для фона. Если вы думаете, что это кровь — проверьте, я не возражаю.

— Проверим, — пообещала Анна. — Пока свободны.

Художник вышел. Мотив у него был, но слишком прямой, слишком грубый. И он не стал бы врать про дверь — это было сказано искренне.

— —

Допрос четвёртый: Клавдия Суркова

Клавдия Тихоновна Суркова вошла тихо, почти бесшумно, и села на краешек кушетки, сжав на коленях ридикюль. Маленькая, невзрачная, в сером платке, надвинутом на лоб. Пальцы с обкусанными ногтями теребили застёжку ридикюля. Анна обратила внимание на пальцы — подушечки были синеватыми. Чернила. Фиолетовые чернила.

— Ваше имя и профессия?

— Клавдия Тихоновна Суркова. Я стенографистка. Работаю в издательстве «Новая Москва», а также беру частные заказы — печатаю рукописи.

— Вы были знакомы с убитым?

— Да, — голос Сурковой был тихий, как шелест бумаги. — Я печатала его рукописи. И его стихи.

— Близко?

— В каком смысле?

— В личном.

Суркова покраснела — пятнами, некрасиво.

— Он... он оказывал мне знаки внимания. Говорил комплименты. Говорил, что я — его муза. Но я понимала, что это не всерьёз. Он всем такое говорил.

— И вы не обижались?

— Обижалась, — призналась она. — Но что я могла? Я — маленький человек. А он — звезда. Я была рада просто быть рядом.

Анна посмотрела на неё внимательно. Маленький человек? Или смертельно обиженная женщина?

— Где вы были в момент удара?

— У стола. Я разливала вино. Когда свет погас, я замерла на месте. Я боялась пошевелиться — вдруг что-нибудь разобью. Я слышала шаги — кто-то прошёл мимо меня к камину. Но кто — не знаю.

— Вы не заметили ничего необычного до того, как погас свет?

Суркова задумалась.

— Было душно. Кто-то открыл окно в коридоре — я слышала, как скрипнула форточка. И ещё... пахло духами. Ландышем. Но это, наверное, духи хозяйки.

Анна записала. Ландыш. Лилия пахла ландышем. Но она была в комнате, когда свет погас? Или выходила? Это нужно проверить.

— У вас чернила на пальцах, — заметила Анна.

Суркова отдернула руки.

— Да, я печатала. Перед вечером. Срочный заказ.

— Что печатали?

— Стихи. Для Виктора Платоновича. Он попросил перепечатать несколько стихотворений для сегодняшнего чтения.

— У вас есть копия?

— Нет. Он забрал всё.

— У вас своя машинка?

— Да, «Ундервуд». Старая. Буква «а» западает.

Анна сделала пометку. Машинка с дефектной буквой «а». Та самая, на которой напечатан обрывок? Надо будет сравнить.

— Пока свободны.

Суркова вышла, всё так же бесшумно. Анна смотрела ей вслед и думала: обиженная женщина, знавшая о рукописях, имевшая доступ к стихам и к машинке. Мотив — неразделённая любовь, возможно, унижение. Но способна ли она на удар ножом?

— —

Допрос пятый: Раиса Берендеева

Раиса Павловна Берендеева вошла последней. Она не села — осталась стоять, высокая, сухощавая, в тёмно-сером платье, строгом и элегантном одновременно. Ей было под пятьдесят, но держалась она с достоинством, которое не могли поколебать ни ночной допрос, ни соседство с трупом. От неё пахло ладаном и сухими травами. Анна невольно почувствовала уважение.

— Раиса Павловна, вы были знакомы с убитым?

— Была, — голос Берендеевой был низкий, грудной. — Я знала Виктора семь лет. Я открыла его талант. Я издала его первый сборник. Я... была его покровительницей.

— В каком смысле?

— Во всех смыслах, — она чуть усмехнулась. — Не притворяйтесь, что не понимаете. Я была старше, он был молод. Я давала ему деньги, связи, идеи. А он — он давал мне иллюзию молодости. Мы расстались два года назад. Он нашёл себе других муз — помоложе.

— Вы обиделись?

— Я была в ярости. Но не из-за него. Из-за себя. Из-за того, что позволила себя обмануть. Я умная женщина, товарищ Петрова. А повела себя как гимназистка.

— Где вы были сегодня вечером?

— Я зашла к Лилии — мы старые знакомые. Я хотела повидать Виктора. Он избегал меня последние месяцы. Я пришла, посидела немного, выпила чаю. А потом ушла.

— Когда?

— За полчаса до чтений. Я не хотела слушать его новые стихи. Они причиняли боль.

— Кто-нибудь может подтвердить, что вы ушли?

— Дворник, наверное. Я с ним поздоровалась, когда выходила. И консьержка внизу — она всегда сидит с вязанием.

Анна записала: «Берендеева — ушла до убийства — подтвердить дворником и консьержкой». Но в голове у неё уже вертелось сомнение. Ушла — а потом? Могла вернуться? Могла прятаться в коридоре?

— У вас были причины желать его смерти?

— Причины — да. Желания — нет. Я перегорела. Знаете, как угли в камине: вроде горячие, а огня уже нет. Я желала ему забвения. Чтобы его забыли, как он забыл меня. Смерть — это слишком быстрый конец. Слишком красивый. Он не заслужил красивой смерти.

— Пока свободны, — сказала Анна. — Но проверю ваши показания. Имейте в виду.

— Проверяйте, — спокойно ответила Берендеева. — Мне скрывать нечего. Я сказала правду.

Она вышла, и Анна долго смотрела на закрытую дверь. Умна. Хладнокровна. Способна на многое. Но убийца ли?

— —

Допрос шестой: Лилия Ордынцева

С Лилией Ордынцевой Анна говорила последней. Она вернулась в будуар, села на кушетку — та жалобно скрипнула под её весом, — и приготовилась слушать.

Лилия вошла, плотно притворила за собой дверь и села напротив, на стул с гнутой спинкой. Сидела прямо, но без напряжения. Пальцы спокойно лежали на коленях.

— Стиллет ваш? — спросила Анна, хотя уже знала ответ.

— Мой. Подарок покойного мужа. Лежал на каминной полке. Любой мог взять.

— Вы были близки с убитым?

Лилия помолчала. Анна заметила, как пробежала по её лицу тень — не страха, скорее, сожаления.

— Был эпизод. Краткий и неудачный. Он длился недолго — несколько недель, прошлой осенью. Я написала ему несколько писем. Глупых, восторженных писем. Я думала, что влюблена, а на самом деле просто... замёрзла. Одиночество, знаете ли, располагает к ошибкам.

— Что было в письмах?

— Стихи. Рассуждения о жизни. И несколько неосторожных фраз — о советской власти, о новой Москве, о том, как тяжело жить, когда ты «бывшая». Ничего особенного, но при желании можно истолковать как антисоветскую агитацию. Он угрожал передать их в одно издательство.

— Когда?

— Вчера. Перед вечером. Мы поссорились здесь, в этой комнате. Он поставил условие: либо я возобновляю отношения, либо письма уходят в печать. Я отказалась. И тогда он сказал: «Ты пожалеешь».

— И вы пожалели?

— Нет. Я разозлилась. Но не настолько, чтобы убивать. Я решила, что сама пойду в издательство и расскажу всё. Пусть лучше меня арестуют за глупость, чем шантажируют. Но я не успела.

— Мотив, значит, был.

— Мотив — да, — согласилась Лилия. — Но именно поэтому я не могла его убить. Слишком очевидно. Мой дом, мой стиллет, мои письма. Любой следователь первым делом заподозрил бы меня. А я не самоубийца.

— Если бы вы хотели убить — как бы вы это сделали?

Лилия чуть улыбнулась.

— Яд. Тихо, незаметно. Подсыпала бы в чай. У меня есть мышьяк — от крыс, в кладовке. Или снотворное — его можно достать в аптеке. Через неделю он бы просто не проснулся, и никто бы не связал его смерть со мной. Но я этого не сделала. Потому что я не убийца, товарищ Петрова. Я просто глупая женщина, которая влюбилась не в того.

Анна смотрела на неё и понимала: говорит правду. Или очень умело лжёт. Но интуиция — старая, испытанная интуиция, — подсказывала первое.

— Пока под подозрением, — сказала она, закрывая блокнот. — Завтра жду вас в МУРе. Пропуск закажу. Будем говорить официально.

— Я приду, — ответила Лилия. — Мне скрывать нечего.

— —

Возвращение на Пресню

Утро уже вступило в свои права, когда Анна вышла из квартиры на Большой Никитской. Тело увезли в морг, эксперты собрали улики, свидетели разошлись по домам — каждому было велено не покидать Москву и ждать вызова. Анна спустилась по мраморной лестнице, кивнула заспанному дворнику в фартуке (завтра же допросить!), села в «форд» и велела Васе ехать на Пресню.

В коммуналке уже кипела утренняя жизнь. На кухне переругивались соседки, где-то плакал ребёнок, пахло жжёной кашей и керосином. Анна прошла в свою комнату, сняла шинель, сапоги, рухнула на кровать. В голове крутились обрывки допросов, лица, слова.

Берг — обида, но слаб.

Ланская — страх, но труслива.

Студенецкий — злость, но прям.

Суркова — унижение, но тиха.

Берендеева — месть, но холодна.

Ордынцева — мотив и оружие, но умна.

Кто? Кто из них ударил ножом в темноте? И главное — где рукопись? Где тетрадь, из которой Златогоров воровал стихи? Она может быть ключом ко всему.

Анна закрыла глаза. Завтра — нет, уже сегодня — она вызовет Лилию в МУР и начнёт всё сначала. А пока — спать. Хотя бы час.

— — — — Глава третья

Утро Анны Петровой началось не с будильника — будильника у неё не было, — а с оглушительного грохота на коммунальной кухне. Кто-то уронил сковороду. Чугунную, судя по звуку. Сковорода ударилась об пол, потом, кажется, отскочила от стены, и завершила свой путь в чьём-то ведре. За этим последовала тишина — та особенная, насторожённая тишина, которая наступает перед бурей, — а потом грянул скандал. Два женских голоса, высокий и низкий, сцепились в перебранке с такой скоростью, что Анна, ещё не открыв глаз, уже знала: день будет долгим.

Она села на кровати, спустила ноги на холодный пол. В комнате было зябко — батареи еле теплились, а за окном мартовский ветер гнал по серому небу рваные облака. Анна потянулась, хрустнула суставами, покрутила головой. Шея затекла — вчера, вернувшись с Большой Никитской, она заснула в неестественной позе, не раздеваясь, поверх одеяла, и проспала так часа четыре, не больше. Гимнастёрка помялась, ремень врезался в бок, на щеке остался след от пуговицы.

Она встала, накинула шинель поверх исподнего и вышла в коридор. Скандал на кухне достиг апогея: Марья Игнатьевна, покрасневшая и грозная, размахивала половником перед носом соседки Зины, молодой крикливой особы, работавшей на кондитерской фабрике. Предмет спора был, как обычно, территориальный: чья очередь мыть пол и почему опять занята чужая конфорка.

— Девоньки, — сказала Анна хрипло, проходя мимо, — войну закончили семь лет назад. Дайте умыться.

Соседки притихли, но ненадолго — стоило Анне скрыться за дверью уборной, как перебранка возобновилась шёпотом. Анна умылась ледяной водой, почистила зубы порошком, пахнущим мятой и мелом, пригладила волосы. Из зеркала на неё смотрело лицо, которое выглядело старше своих двадцати восьми. Ничего, бывает. После первого допроса всегда так — будто из тебя вытянули все соки, а взамен ничего не дали.

На кухне Марья Игнатьевна, уже остывшая, наливала морковный чай.

— Садись, Аня. Каша сегодня пшённая, на воде, но с постным маслом. Не побрезгуй.

— Не побрезгую.

Анна села за общий стол, покрытый выцветшей клеёнкой с нарисованными розами, и принялась за кашу. Каша была жидкая, крупинки плавали отдельно, но после вчерашнего куска хлеба с яйцом это был почти пир. Марья Игнатьевна сидела напротив, подперев щеку рукой, и смотрела, как Анна ест.

— Ну что, нашла убивца?

— Пока нет.

— А чего так? Раньше ты быстрее находила. Помнишь, в прошлом годе, когда бухгалтера на Мясницкой порешили — ты за три дня управилась.

— Там было просто, — сказала Анна, отодвигая пустую тарелку. — Бухгалтера убил компаньон из-за денег. Всё по бумагам видно: приход, расход, недостача. А тут — поэты. У них не приход и расход, а рифмы и страсти. Другой материал.

— Поэты — это которые стихи сочиняют? — уточнила Марья Игнатьевна. — У нас в семнадцатом один такой квартировал. Всё ходил по комнате и бормотал: «Я — гений, я — гений». А потом украл у меня серебряную ложку и пропал. Так что ты им не верь. Они с виду возвышенные, а на деле — как все: жрать хотят.

Анна усмехнулась, допила чай и пошла одеваться. Шинель она сменила на форменную гимнастёрку, надела ремень, кобуру, проверила наган. Сунула в карман блокнот, карандаш, пачку «Казбека». Сегодня предстоял разговор с Ордынцевой — на этот раз официальный, в кабинете, с протоколом. А потом — кто знает? Может быть, обыск, может быть, очные ставки, может быть, что-то ещё.

Она вышла из коммуналки в начале девятого. На лестнице по-прежнему было темно — лампочку так и не вкрутили. Анна спускалась ощупью, считая ступеньки. Пятнадцать, четырнадцать, тринадцать... Перила липли к ладони. У подъезда её ждал Вася, хмурый и невыспавшийся.

— В МУР, товарищ Петрова?

— В МУР.

— —

Здание Московского уголовного розыска на Петровке встретило Анну привычным шумом: хлопали двери, стучали пишущие машинки, кто-то кого-то звал по фамилии, в коридоре курили двое оперативников, обсуждая вчерашнюю облаву на Сухаревке. Пахло махоркой, сыростью, казённым сукном и ещё чем-то едва уловимым — не то карболкой, не то дешёвым одеколоном. Анна прошла в свой кабинет на втором этаже, сняла шинель, повесила на гвоздь у двери и первым делом заварила чай. Электрический чайник на подоконнике был её личной привилегией — сама купила, сама починила, сама берегла от посягательств коллег.

Кабинет был маленький, но свой. Стол, два стула, шкаф с папками, в углу — железная кровать, заправленная серым одеялом. На столе — чернильница, лампа под зелёным абажуром, стопка сводок за последние дни. Анна пролиستала сводки: кража на Даниловском рынке, драка в пивной на Таганке, семейный скандал с поножовщиной в Замоскворечье. Обычная московская рутина. Убийство поэта на Большой Никитской среди этой рутины выглядело чужеродно, как бриллиантовая запонка в куче битого стекла.

Она закурила, откинулась на спинку стула и стала ждать.

Лилия Ордынцева явилась ровно в десять, минута в минуту. Анна услышала её шаги ещё из коридора — лёгкие, но уверенные, не шаркающие, как у большинства посетителей МУРа. Дверь открылась, и Лилия вошла.

На ней было то же серое пальто с лисьим воротником, которое Анна запомнила ещё по первой встрече. Пальто было старое, довоенное, но хорошего покроя — такие носили дамы из общества, не привыкшие экономить на портных. Маленькая шляпка с вуалью, перчатки, лакированный ридикюль. От Лилии пахло ландышем — те же духи, что и вчера в будуаре. Анна обратила внимание на её лицо: бледное, но спокойное, без следов истерики или страха. Только под глазами залегли тени — значит, тоже не спала.

— Доброе утро, товарищ Петрова, — сказала Лилия, прикрывая за собой дверь.

— Доброе, — Анна указала на стул. — Присаживайтесь, гражданка Ордынцева. Папиросу?

— Если позволите.

— Я же сказала: я сама смолю. Курите на здоровье.

Лилия достала из ридикюля длинную папиросу, серебряный мундштук, закурила. Дым поплыл к потолку, смешиваясь с дымом аннинного «Казбека». Анна раскрыла блокнот, подвинула к себе чернильницу.

— Разговор будет официальный, — предупредила она. — Всё, что вы скажете, будет записано в протокол. Так что думайте, прежде чем говорить.

— Я понимаю.

— Тогда начнём. Расскажите мне о вчерашнем вечере. Всё, что помните. Кто был, где сидел, кто с кем говорил. Каждая мелочь может оказаться важной.

Лилия затянулась, чуть прикрыла глаза — не от усталости, а собираясь с мыслями.

— Хорошо. Я расскажу всё по порядку. Вечер начался в восемь. У меня бывают такие вечера раз в месяц — я называю их «салоном», хотя это громко сказано. Просто собираются люди, которым интересно искусство. Поэты, художники, музыканты. Иногда заходят меценаты — те, у кого ещё остались деньги на покровительство музам. Вчера было семеро, не считая меня. Ипполит Берг — он пришёл первым. Маргарита Ланская — она опоздала, как всегда. Глеб Студенецкий — мой давний друг, он помогает мне развешивать картины. Клавдия Суркова — она приходит пораньше, помогает с сервировкой. И ещё двое — супруги Никольские, но они ушли до чтений: у Никольской разболелась голова. Их я не считаю — они точно не имеют отношения к убийству. И, наконец, Раиса Павловна Берендеева — она зашла ненадолго, посидела, выпила чаю и ушла до начала чтений.

— Так. Кто где сидел?

— В гостиной у меня два дивана, кресла, стулья. Я сидела у камина — там моё любимое место. Рядом со мной, на диване, сидели Златогоров и Клавдия — он попросил её сесть рядом, чтобы она стенографировала его чтение. Напротив, на втором диване, — Маргарита и Глеб. Берг сидел в кресле у двери. Берендеева — в дальнем углу, на банкетке. Когда она ушла, место осталось свободным.

— О чём говорили до чтений?

— О разном. О новой постановке у Мейерхольда. О том, что вышел новый журнал «На посту» и там опять кого-то разгромили. Маргарита хвасталась новым колье — муж подарил. Берг рассказывал о своём неоконченном романе в стихах. Виктор больше молчал — он был напряжён. Я заметила это, но не придавала значения. Думала — нервничает перед чтением.

— Потом он начал читать?

— Да. Я предложила начать чтения около девяти. Виктор читал первым. Он встал у камина, спиной к огню, и начал. Стихи были... злые. Очень злые. Он высмеивал старую школу — символистов, акмеистов, — называл их «кладбищенскими цветами». Берг сидел красный как рак. Потом он перешёл на женщин — прочитал цикл, посвящённый «музам», где каждая муза была узнаваема. Маргарита узнала себя и едва не расплакалась. Глеб сидел с каменным лицом, но пальцы у него дрожали. Я пыталась его остановить — предложила тост, — но он только отмахнулся и продолжил.

— Что за тост?

— За искусство. За вечное искусство. Я встала, подняла бокал. И в этот момент свет погас.

— Вы видели, кто выходил до этого?

— Берг выходил курить — он всегда курит в коридоре. Глеб тоже выходил — ему нужно было проветриться, он много пьёт в последнее время. Маргарита выходила поправить макияж — у меня в коридоре зеркало. Клавдия выходила за новой бутылкой вина — я просила её принести из кладовки.

— Кто-нибудь из них мог вывернуть пробки?

Лилия задумалась.

— Щиток находится в конце коридора, рядом с кладовкой. Клавдия проходила мимо. Берг курил у окна, это рядом со щитком. Глеб тоже там был — он говорил, что рассматривал картину на стене. Маргарита — нет, она крутилась у зеркала, это в другом конце. Но кто именно вывернул пробки — я не знаю. Может быть, это вообще случайность. Проводка в доме действительно старая.

— После того как свет зажгли — что вы увидели?

— Златогоров лежал на полу у камина. Стиллет торчал из груди. Клавдия кричала. Маргарита рыдала. Берг стоял в дверях с побелевшим лицом. Глеб пытался нащупать пульс у Виктора, но было уже поздно. Я велела всем оставаться на местах и позвонила в милицию.

Анна дописала последние слова и отложила ручку. Теперь — главное.

— Кому Златогоров перешёл дорогу? — спросила она, глядя Лилии прямо в глаза. — Кроме вас.

Лилия выдержала взгляд.

— Всем. Всем, кто был в комнате. Бергу — он высмеял его стихи и, кажется, украл его ранние строки. Маргарите — он бросил её и, по слухам, украл бриллиантовые запонки мужа. Глебу — он разбил его скульптуру. Клавдии...

Она запнулась.

— Что — Клавдии? — подтолкнула Анна.

— Клавдии он сделал больше всего. Я узнала об этом недавно, буквально за неделю до вечера. Он украл её рукопись.

— Украл рукопись? — Анна отложила папиросу, которую до этого вертела в пальцах, и подалась вперёд. — Вот с этого — подробнее.

Лилия вздохнула, затушила папиросу в пепельнице — фарфоровой, с золочёным ободком, — и начала рассказывать.

— Клавдия Суркова — стенографистка. Она печатает рукописи. Скромная, незаметная, но, как выяснилось, она пишет стихи. Не гениальные, нет, — но искренние, живые. Она показала их Златогорову — попросила его мнения. А он сказал: «Дайте мне тетрадь, я посмотрю внимательнее». Она дала. Через месяц вышел его «Пульс хаоса» — сборник, который сделал ему имя. И там, среди его стихов, были её строки. Переписанные, изменённые, но её. А тетрадь он ей не вернул. Сказал: «Потерял где-то. Но вы не расстраивайтесь — там всё равно было сыро».

— И она узнала об этом только сейчас?

— Да. За неделю до вечера она пришла ко мне на кухню, плакала. Говорила, что хотела пойти к нему, потребовать объяснений, но боялась. Боялась, что он поднимет её на смех, выставит душой. Так и случилось — когда она всё-таки решилась заговорить с ним, он назвал её «бесталанной кухаркой» при всех. При всех, Петрова. Представляете, каково это? Сидеть в углу, перепечатывать чужие тексты, мечтать о чём-то большем — а потом тебя втаптывают в грязь.

Анна молчала. Она представила себе эту Клавдию — серый платок, обкусанные ногти, дрожащие пальцы в чернилах, — и почувствовала, как внутри закипает глухая злость. Не на Клавдию. На Златогорова.

— Значит, у неё был мотив, — сказала она вслух. — Месть за украденную рукопись. Месть за унижение.

— Да. Но, Петрова... — Лилия замялась. — Я не верю, что Клавдия могла убить. Она слишком... сложенная. Понимаете? Такие люди не убивают. Они плачут, пьют капли, пыта-

ются отравиться — но не быют ножом в темноте. Для этого нужна другая натура. Хищная. А она — жертва.

— Жертвы иногда кусаются, — заметила Анна. — И довольно больно. Ладно, продолжим. Кто ещё?

— Берендеева, — сказала Лилия. — Раиса Павловна. Она была его первой покровительницей. Они вместе семь лет — он жил за её счёт, она его продвигала. А потом он бросил её — ради молодых. И не просто бросил — высмеял. Написал стихотворение «Старой музе», где назвал её «нафталиновой бабочкой». Это было жестоко. Раиса Павловна — гордая женщина. Она такого не прощает.

— Но она ушла до чтений.

— Она сказала, что ушла. Я не проверяла. Она могла остаться в коридоре, спрятаться. У меня большая квартира, много углов.

Анна записала: «Берендеева — остаться в коридоре? Проверить с консьержкой». Потом откинулась на спинку стула и закурила новую папиросу.

— Интересная у вас компания, гражданка Ордынцева, — сказала она. — Вор, плагиатор, шантажист — и при этом все его любили. Или ненавидели. Впрочем, это, кажется, одно и то же в ваших кругах.

— В наших кругах, — тихо повторила Лилия. — Вы говорите так, будто я — часть какого-то другого мира. Но я такая же, как вы. Просто у меня другие привычки. Я тоже встаю по утрам, пью чай, считаю копейки до зарплаты. Просто я ещё и стихи читаю. Разве это преступление?

Анна посмотрела на неё. На бледное лицо, на тонкие пальцы, сжимающие мундштук, на упрямо поджатые губы.

— Нет, — сказала она наконец. — Не преступление. Но вы мне всё-таки скажите: кто, по-вашему, это сделал? Вы их знаете. Вы видели их лица, когда погас свет. Кто из них способен ударить ножом?

Лилия долго молчала. Анна уже думала, что она не ответит, но та заговорила — медленно, тщательно подбирая слова:

— Берг — нет. Он слаб. Маргарита — нет. Она труслива. Глеб — он силен, он мог бы ударить, но он слишком прям. Если бы он убил, он бы не прятался в темноте — он бы ударил при всех. Клавдия... я уже сказала. Остаётся Берендеева. Или я. Или кто-то, кого мы не учли.

— Или вы, — повторила Анна. — Вы не снимаете с себя подозрения?

— Нет. Я понимаю, что выгляжу хуже всех. Мой дом, мой стилет, мои письма. Но я не убивала. И я хочу, чтобы вы нашли убийцу. Не для того, чтобы обелить меня — для того, чтобы справедливость восторжествовала. Вы верите в справедливость, товарищ Петрова?

Анна затушила папиросу.

— Я верю в улики. В факты. В то, что можно доказать. Справедливость — это слишком красивое слово. Я им не пользуюсь.

— А зря, — сказала Лилия. — Иногда красивые слова — единственное, что у нас есть.

Они помолчали. За окном прогудел автомобиль. В коридоре кто-то громко звал Лёвушкина.

— Ладно, — сказала Анна, закрывая блокнот. — На сегодня всё. Вы свободны, но из города не уезжайте. И будьте готовы к тому, что я вызову вас снова. Возможно, сегодня же.

— Я буду готова, — Лилия встала, поправила шляпку. — И, Петрова...

— Что?

— Если я вам понадоблюсь — в любое время. Я хочу помочь. Это моё личное дело теперь.

Она повернулась и вышла — прямая, стройная, всё с тем же достоинством, которое так поразило Анну в первую встречу. Дверь закрылась. В кабинете остался только запах ландыша и табачного дыма.

Анна долго сидела, глядя на захлопнувшуюся дверь. Потом встала, подошла к окну, посмотрела во двор. Там дворник колот лёд, мальчишки играли в снежки, женщина в платке развешивала бельё. Обычная московская жизнь. А в кабинете на столе лежало дело, которое никак не хотело раскрываться.

Шесть подозреваемых. Шесть мотивов. И ни одной зацепки, кроме фиолетовых чернил, дефектной буквы «а» и слухов об украденной рукописи.

Анна докурила папиросу, надела шинель и вышла в коридор. Нужно было найти Гришу и ехать к Сурковой. Если рукопись — ключ, то начинать нужно с неё.

— — Глава четвёртая

Прошло два дня. Дело о смерти Златогорова не сдвинулось с мёртвой точки ни на дюйм. Анна провела эти дни в хлопотах: допросила дворника с Большой Никитской (тот ничего не видел, но слышал, как наверху хлопнула дверь за несколько минут до крика), проверила алиби Берендеевой (консьержка подтвердила — выходила, но когда именно, точно не помнит, «может, за полчаса, а может, и раньше»), послала Гришу в издательство «Новая Москва» за образцами печатных машинок. Но всё это были крохи, не складывавшиеся в цельную картину.

А в четверг утром служебный «форд» сломался. Вася Коростылёв, чертыхаясь, копался в моторе, а начальник отдела, товарищ Рыбаков, вызвал Анну к себе и сообщил пренеприятнейшее известие: машина в ремонте до понедельника. Так что по городу придётся своим ходом.

— Своим так своим, — буркнула Анна, выходя из кабинета.

И тут ей пришла в голову мысль. Она накинула шинель, сунула в карман блокнот и пачку «Казбека» и пешком отправилась на Большую Никитскую.

Лилия Ордынцева открыла дверь не сразу. Анна успела дважды нажать на кнопку звонка — старомодного, с бронзовой улиткой, — и уже начала терять терпение, когда за дверью послышались лёгкие шаги, звякнула цепочка, и хозяйка предстала перед ней в домашнем платье тёмно-синего шёлка, с книгой в руке. Палец был заложен между страниц, как закладка.

— Товарищ Петрова? — Лилия явно не ожидала гостя. — Что-то случилось?

— Случилось то, что у нас нет машины, — сказала Анна без предисловий. — А мне нужно к Бергу. Вы его знаете, я — нет. Так что собирайтесь. Будете моим консультантом по богеме.

— Консультантом? — Лилия чуть приподняла бровь. — Звучит почти как официальная должность. Мне полагается жалованье?

— Полагается гражданский долг, — отрезала Анна. — И благодарность в личном деле, если сможете раскрыть убийство. Одевайтесь теплее — на улице ветер.

Лилия не спорила. Она отложила книгу (Анна успела заметить название: Франс, «Остров пингвинов», кажется, французская сатира), накинула пальто, поправила шляпку перед зеркалом и взяла ридикюль. Через пять минут они уже спускались по мраморной лестнице.

— Как поедem? — спросила Лилия. — У вас же нет машины.

— Трамваем. Третий номер, до Арбата.

— Трамваем? — в голосе Лилии мелькнуло что-то среднее между удивлением и ужасом. — Я не ездила в трамвае с семнадцатого года.

— Поздравляю, — усмехнулась Анна. — Сегодня у вас памятный день. Будете осваивать пролетарский транспорт.

Они вышли на улицу. Мартовский ветер, сырой и пронизывающий, рванул полы пальто. Снег на тротуарах посерел, съёжился, из-под него проступали прошлогодние булыжники. Москва в этот час жила своей обычной жизнью: дворники скребли лёд, торговки у ворот предлагали семечки и мочёные яблоки, мальчишки бежали куда-то с криками, размахивая ранцами. Где-то далеко, у Никитских ворот, гудел трамвай.

Остановка была полна народу. Анна привычно втиснулась в толпу, Лилия держалась чуть позади, стараясь не касаться локтями чужих пальто. Когда трамвай подошёл — красный, дребезжащий, с облупленной краской на бортах, — толпа хлынула к дверям. Анна ухватила Лилию за рукав и потащила за собой.

— Не отставайте! Здесь не принято ждать, пока подадут руку.

В вагоне было тесно, душно и шумно. Пахло потом, махоркой, мокрой шерстью и ещё чем-то кисловатым — не то прокисшим молоком, не то дешёвым пивом. Под потолком висели поручни, за которые держались стоящие пассажиры. Анна ухватилась за один, Лилия, помедлив, взялась за другой — кончиками пальцев, словно боялась испачкаться. Трамвай дёрнулся и покатил, дребезжа стёклами.

— И часто вы так передвигаетесь? — спросила Лилия, стараясь удержать равновесие.

— Каждый день. Это вам не на извозчике с бубенцами.

— У меня нет извозчика. И бубенцов тоже нет. Но я предпочитаю ходить пешком.

— Ходить пешком полезно, — согласилась Анна. — Расширяет кругозор. Кстати, о кругозоре: вы сказали тогда, на допросе, что Берг — теоретик и не способен на удар ножом. А что он вообще за человек?

Лилия задумалась, поправляя шляпку, которую кто-то задел локтем.

— Ипполит Аркадьевич — человек прошлого века. Он родился в шестьдесят восьмом, если не ошибаюсь. Начинал как символист, печатался в «Весах», дружил с Брюсовым и Бальмонтом. Потом — война, революция, и он остался не у дел. Его не печатают, его имя забыто. Он живёт на случайные заработки: чистит столовое серебро, составляет каталоги для букинистов, иногда пишет рецензии в тонкие журналы. Но главное его занятие — помнить. Помнить, как всё было до. Это его проклятие.

— Проклятие или оправдание? — хмыкнула Анна. — Многие из ваших любят говорить: «Вот до революции...» — как будто это что-то объясняет. До революции, гражданка Ордынцева, люди тоже убивали. И воровали. И изменяли. Только квартиру на Большой Никитской имели не все.

Лилия чуть улыбнулась.

— Вы не любите интеллигенцию, товарищ Петрова?

— Я не люблю тех, кто ноет, — отрезала Анна. — Жизнь трудная у всех. У меня в коммуналке соседка — бывшая купчиха, всё потеряла, а не ноет. Перешивает старьё и радуется, что жива. А ваши поэты ходят по салонам, пьют контрабандное вино и жалуются, что их не печатают.

— Вы несправедливы, — сказала Лилия, и в голосе её впервые звякнула сталь. — Не все поэты пьют вино в салонах. Некоторые работают. Берг, между прочим, в девятнадцатом году работал в библиотеке — спасал книги от печек-буржук. Он мёрз, голодал, но сохранил три тысячи томов. А вы говорите — ноет.

Анна посмотрела на неё с неожиданным интересом.

— Три тысячи? Это правда?

— Я могу показать вам эти книги. Они до сих пор в библиотеке на Воздвиженке. Ипполит Аркадьевич никогда этим не хвастается, но я знаю. Он не герой, нет. Он старый, испуганный, смешной в своём бархатном халате. Но он не бесполезный. Просто... он из другого времени. Как и я.

— Вы из другого времени? — Анна усмехнулась. — А по виду — наша, советская. Только шляпка подкачала.

— Шляпка у меня хорошая, — сказала Лилия с достоинством. — Венская. Ей десять лет, а она как новая. Между прочим, пролетарская шляпка: пережила революцию, Гражданскую войну и три обыска.

Анна невольно рассмеялась. Смех у неё был короткий, сухой, похожий на кашель, но искренний.

— Ладно, засчитано. Шляпка хорошая. А вы, Ордынцева, не такая уж тепличная барышня, какой кажется.

— Я и не кажусь. Это вы себе придумали.

Трамвай, лязгнув, остановился у Арбатской площади. Анна и Лилия выбрались наружу, вдохнули холодный воздух — почти свежий после трамвайной духоты.

— Нам сюда, — сказала Лилия, указывая в сторону арбатских переулков. — Ипполит живёт в подвале бывшего доходного дома. Это недалеко.

Они пошли по кривым арбатским переулкам, мимо облезлых особнячков, мимо лавок с выцветшими вывесками, мимо церкви, превращённой в склад. Снег здесь был грязнее, чем на Никитской, тротуары — уже, небо над головой — словно ниже.

— Почему вы решили ехать именно к Бергу? — спросила Лилия. — Он ведь уже дал показания.

— Показания — одно, а разговор на его территории — другое. Дома человек ведёт себя иначе. Кроме того, я хочу посмотреть, как он живёт. По тому, как человек живёт, можно многое понять.

— И что вы надеетесь понять?

— Пока не знаю. Но он единственный, кто был в коридоре в момент убийства. И единственный, кто утверждает, что свет погас случайно. Я ему не верю.

— А кому вы вообще верите?

— Никому, — коротко ответила Анна. — Пока не увижу улики. Идёмте.

Они свернули в подворотню, прошли через тёмный двор с поленницей дров и ржавой колонкой, спустились по обледелым ступеням вниз. Дверь в полуподвал была обита дерматином, из-под неё тянуло сыростью. Анна постучала.

Дверь открылась не сразу. Сначала за ней послышалось шарканье, потом долгое звяканье засова, потом какое-то бормотание. Наконец дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо Ипполита Берга — бледное, с красными прожилками на носу, с седой щетиной на подбородке. Он был в том же засаленном бархатном халате, что и на допросе, но теперь Анна разглядела, что халат когда-то был тёмно-зелёным, с шёлковыми отворотами. Теперь отвороты обтрепались, шёлк вытерся до основы.

— Вы? — Берг явно не ожидал гостей. — И вы, Лилия Сергеевна? Что случилось?

— Ничего не случилось, Ипполит Аркадьевич, — сказала Анна, отодвигая его плечом и входя внутрь. — Просто решили заглянуть. Поговорить.

— Но я уже всё сказал! — в голосе Берга зазвучали панические нотки. — Я выходил в коридор! Пробки!..

— Знаю, знаю. Пробки. Свеча. Коридор. Всё это вы уже рассказывали. А теперь расскажите что-нибудь новое.

Анна обвела взглядом комнату.

Это была не комната — это была берлога. Книги громоздились повсюду: на полках, на столе, на подоконнике, на полу, даже на стульях. Некоторые стопки достигали пояса. Книги были старые, с потрескавшимися корешками, с выцветшими золотыми буквами. Пахло плесенью, старой бумагой, кошками (кошек Анна заметила двух — одну на подоконнике, другую на груде рукописей) и ещё чем-то — кажется, вчерашними щами. В углу стояла печка-буржуйка с трубой, уходящей в заклеенное бумагой окно. На столе, среди книжного хаоса, Анна увидела тонкую брошюру в мягкой обложке. «Виктор Златогоров. Пульс хаоса. Стихи. 1926». Экземпляр был зачитан до дыр — обложка замусолена, страницы исчерканы карандашом.

Анна взяла брошюру, полистала. На полях, мелким бисерным почерком, шли пометки: «бездарно», «плагиат», «это моё!!!» (три восклицательных знака, нажатие такое, что карандаш прорвал бумагу), «украл у Бальмонта», «украл у Блока», «украл У МЕНЯ».

— Вы, значит, считали его бездарностью? — спросила Анна, показывая книгу.

Берг взорвался. Это был не гнев — это был долго сдерживаемый, клокочущий, почти истерический выплеск:

— Бездарностью?! Нет! В том-то и ужас, что он не был бездарностью! Если бы он был бездарен, я бы просто не обращал внимания. Но он был талантлив! Понимаете? Талантлив, но ленив. И бессовестен. Ему было проще украсть, чем придумать. Его «Пuls хаоса» — это перепев моих ранних вещей! Слышите? Моих! Я писал эти строки в девятьсот третьем, когда он ещё под стол пешком ходил! Он украл мои метафоры, мои ритмы, мои образы — он просто взял их и переставил местами! Я говорил ему — он смеялся! Я требовал объяснений — он отвечал: «Докажите». А как я мог доказать?

Берг замолчал, тяжело дыша. Лилия, стоявшая у двери, тихо встала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.